

Багров Г.Г.

Темпоральная модель культурно-исторической памяти.

Эпоха, в которую мы живем, – это не только время глубоких социальных потрясений, но и кардинальной ломки сложившихся в общественном сознании культурных стереотипов, переориентации в сфере мироотношения человека и формирования новой культурной парадигмы. Эти процессы тесно связаны с проблемами культурно-исторической памяти и времени, поскольку в одном и том же историческом срезе существования людей всегда наличествуют как бы два слоя бытия: один слой замкнут на данный исторический период, эпоху, где самозамкнутость существования человека на "здесь" и "теперь" формирует в нем тип личности, ориентированный на утилитарное потребление и манипулирование культурными ценностями; другой – образует родовое, всемирно-историческое бытие человека и человечества, которое всегда глубже и шире своего времени. Поэтому, если посмотреть в целом на генетическую природу культурно- исторической памяти, то можно увидеть, что она всегда сопрягалась с проблемами жизни и времени, устойчивости и изменчивости, разума и духа, обретения человеком своей подлинной сущности и нравственного единения человеческого рода. Мысль рассматривать память и время в одном контексте была выдвинута еще в древнегреческой мифологии, согласно которой богиня Мнемозина одновременно управляла памятью и течением времени. Современное понимание памяти и времени "переросло" мифологические, психологические и лингвистические представления об их связи: возникла настоятельная необходимость ввести в методологию научного познания именно философский анализ связи памяти с категорией времени как культурно-исторических феноменов. Таким образом, для корректного использования понятия времени, для отображения точной семантики связи культурно-исторической памяти с категорией времени насущной выступает

сама проблема времени – анализ предпосылок, определяющих условия его однозначной применимости.

Следует отметить, что не всегда различается социальное, историческое и культурное прошлое, а в отдельных случаях происходит подмена философского смысла времени грамматическим, не указываются строгие критерии в разграничении прошлого, настоящего и будущего – их разграничение нередко выступает как психологический процесс, выражающий субъективную деятельность.

При таком ракурсе подхода современной культуре отводится роль "нерадивого" ученика, при этом будущее оказывается просто "вытекающим" из настоящего и прошлого, а культура предстает в виде "музейного" хранилища или "склада" и отождествляется с культурно-исторической памятью.

Обращаясь к этой проблеме, И.А. Токунов отмечал: "Прошлое включает в себя достаточно широкую временную полосу по обе стороны данного момента действия. Оно есть часть недавнего прошлого, плюс сегодняшний день, плюс часть близкого будущего." (4,30).

Уязвимость его "арифметического" подхода обнаруживает себя во многих отношениях. Укажем лишь на некоторые из них. Как известно, социальное время (социальное прошлое), являясь атрибутом деятельности социального субъекта, не только характеризует саму деятельность, ее результаты в виде событий и процессов, но и выступает характеристикой бытия человека, не совпадающего полностью с временными параметрами процессов, составляющих общественное бытие и общественное сознание на шкале календарного времени. Кроме того, здесь не учитывается аспект эволюции наших представлений о времени – их "эгоцентричность."

Так, раскрывая особенности древнерусского понимания времени, Д.С. Лихачев обратил внимание на то, что "сейчас мы представляем будущее впереди себя, настоящее где-то рядом с собой, окружающего нас...(разрядка

наша-Г.Б.) ... летописцы говорят о передних князьях – о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносился воспринимающим его субъектом. Задние события были событиями настоящего или будущего" (1,286).

Следующий шаг в рефлексии понятия "прошлое" связан с выяснением его соотношения с понятиями "раньше", "теперь", "позже". Мы считаем, что их отождествление также неправомерно, поскольку здесь смешиваются различные уровни – эмпирический и теоретический. Отсюда неубедительной выглядит и позиция В.С. Поликарпова, согласно которой "социальная память связана с дифференциацией временной последовательности "раньше, теперь, позже" (3,46). Такая методологическая установка содержит в себе неявный психологический редукционизм. Иными словами, память как культурно-исторический феномен рассматривается по аналогии с памятью человека, где действительно происходит членение временной последовательности в указанных понятиях, связанных с психологией восприятия времени.

Другой недостаток мы усматриваем в отождествлении момента "теперь" с настоящим временем. В этом случае происходит подмена физического времени грамматическим. Действительно, в обыденной жизни грамматическое настоящее время задается контекстом самой деятельности или ситуацией общения и отождествляется с переживаемыми данными сознания моментов "теперь". Но, как убедительно показал Ю.Б. Молчанов: "Необоснованно распространять наше переживание момента "теперь" на предметы внешнего мира и даже на всю Вселенную, поскольку не существует единого для всей Вселенной времени; каждая материальная система обладает своим временем, своей временной осью, своим уникальным прошлым, настоящим и будущим, различной продолжительностью настоящего времени бытия того или иного предмета" (7,121).

Попытки дальнейшего развития этой идеи представлены выходом за рамки физики в область философии. Одна из таких попыток – это идея о необходимости различать время человеческого бытия от трактовок времени в научной картине мира. Здесь мы принимаем методологический тезис Н.Н. Трубникова о том, что время человека и культуры не есть только внешняя количественная мера измерения, а есть "форма связи и определения" (5,23). Важно здесь подчеркнуть, что трактовка человеческого времени Н.Н. Трубниковым исключает линейную выводимость настоящего из прошлого, будущего из настоящего в духе транзитивности и каузальных связей. Указание на "человеческое измерение" времени отнюдь не означает устранение фундаментальной оппозиции "субъективное-объективное". Речь идет об изменении смысловой перспективы, выдвигающем на передний план личностное отношение к бытию. В данном случае "время человека" не есть некая произвольность в измерении его бытия, а проявляется в том, что представляет собой проекцию основных форм времени – физического, экзистенциального и культурно-исторического. При таком ракурсе анализа времени, человек не просто "помещен" и пребывает в различных временных рядах, где время есть нечто внешнее, самостоятельная сущность, а выступает как способ организации и существования, создающий порядок из хаоса, предпосылки идентификации человека с самим собой, с культурой, с историей. Подведем некоторые предварительные итоги:

1. при рассмотрении диалектики культурно-исторической памяти с категорией времени необходимо отказаться от упрощенного понимания последнего как некоего универсального однородного процесса. Непонимание этого положения приводит к физикалистскому, психологическому и лингвистическому редукционизму;

2. представление о связи культурно-исторической памяти с категорией времени без указания интервала абстракции обнаруживает свою несостоятельность.

Распределение культурной реальности по равномерному ритму "до", "во время", "после", а также сведение человеческого времени к строгому единообразию календарного времени вряд ли является соответствующим инструментарием для отображения культурно-исторической памяти с категорией времени. Как мы могли убедиться, ни историческое время, ни грамматическое время, ни психологическое время не являются конституирующим принципом для развертывания культурно-исторической памяти как процесса в связи прошлого, настоящего, будущего.

Одним из возможных подходов переосмысления возникших методологических затруднений является создание темпоральной модели культурно-исторической памяти как смыслозадающего понятия, что позволит, по нашему мнению, осуществить проблемный сдвиг в рефлексии указанных понятий.

Пути решения заявленной проблемы мы видим в том, что культурно-историческая память функционирует в ином модусе связи с понятием времени, отличным от его классических представлений. Конституирующим принципом культурно-исторической памяти является культурно-историческое время, которое выступает не только культурным пространством как деятельность человека, но и по принципу дополнительности Н. Бора как "недеяние" (У - Вэй) – действие как созерцание, которое соотнобразуется с космическими ритмами. Время в структуре культурно-исторической памяти суть различие, как процесс, в котором ее субъект оказывается в состоянии "ускользания" от тождества с самим собой. Это становится возможным тогда, когда "конкретный" человек утрачивает смысл пребывания в культурном пространстве-времени, теряет чувство

размерности, сопричастности "событию как бытию" как целому, когда какой-либо определенный модус времени (прошлое, настоящее или будущее) становится самодовлеющим и самоценным для его бытия. Эвристическая ценность темпоральной модели культурно-исторической памяти состоит в том, что здесь акцентируется внимание на нелинейных механизмах культурного наследия, открываются новые возможности для перехода от линейно-дискурсивных представлений о связи культурно-исторической памяти с понятием времени к неклассическим, в которых выстраивается своя метрика и типология.

Список литературы.

1. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп.— М.: Наука, 1979.—352с.
2. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике.—М.: Наука,1977.—92с.
3. Поликарпов В.С. Время и культура.—Харьков: Вища школа,1987.—159с.
4. Токунов Н.А. Прошлое как ценность//Памятники культуры и мивоззрения.Сб.нау.тр.под общ. редакцией О.Д.Леонова.—Петрозаводск1985.—с.30-36
5. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия.—М.: Мысль,1987.—255с.

